

ТАТЬЯНА СОКОЛОВА. БЛАГОДАТНЫЙ ЛЮБЕЦ

Скульптора Татьяну Соколову я знаю лет двадцать, с тех пор, как она и ее муж, художник Гурий Захаров, купили дом в селе Любец близ города Коврова Владимирской области. С тех пор каждое лето они стали туда приезжать. Так она сделалась моей соседкой, и потому я привык называть ее просто Таней.

С первого взгляда кажется, что она похожа на тех румяных и полных быстроглазых красавиц, каких писал Ренуар. Но это с первого взгляда. А выйдет она на свое резное крылечко встречать с милой улыбкой очередного гостя, прислонится к фигурной балясине, и убедишься: никакая она не француженка, а самая, самая русская женщина, любецкая молодайка прежних времен, только одетая по-современному.

Ее летняя мастерская совсем простая, сколоченная из досок, выкрашенных в зеленую краску, и напоминает сарай. Там внутри выстроились на полу и на полках гипсовые, деревянные, глиняные небольшие фигуры-эскизы.

Но в мастерской Таня трудится лишь при плохой погоде. Основное ее место — это бетонированная площадка перед мастерской.

Очень интересно наблюдать, как она работает. Шлеп, шлеп, шлеп... В ее левой руке тазик с густой белой сметаной — гипсом. Она зачерпывает жидкость лодочкой-ладонью и кидает ее на бесформенный, сбитый из планок, перевитый проволокой каркас, напоминающий то ли фантастического робота, то ли белый кактус с обломанными сучьями.

Гипс ей служит для предварительных эскизов, а для своих окончательных работ она употребляет другие материалы, чаще всего дерево, реже бронзу или керамику, а если опять-таки гипс, то она его слегка подкрашивает.

У нее множество стамесок, полукруглых и прямых, поуже и пошире и совсем тоненьких. Перед нею на табурете обрубок дерева, непременно твердого. Это грецкий орех, комель березы, мореный дуб, вязовое полено.

Тюк, тюк, тюк... Она ударяет деревянным молотком-киянкой по торцу ручки очередной стамески. Щепки отделяются, падают одна за другой, словно крупные снежинки...

Руки у Тани маленькие, изящные, все в мозолях. Ее работа совсем не женская. Боже мой! Какой это тяжелый труд — стоять несколько часов подряд и тюкать киянкой! Иной раз она доходит до такого состояния, что потом за обедом у нее ложка в руке не держится.

Есть у нее деревянная скульптура: лежит женщина, видно, в полном изнеможении. Скульптура так и называется: «Я устала». От чего устала? Грядки на огороде вскапывала? Полы по всему дому мыла? Да нет! Таня изобразила саму себя после многочасового стояния с молотком в руках. Она упала на травку и лежит, закрыв глаза. Полежит с полчасика и опять — тюк, тюк, тюк...

А бывает и так: ударит она сотню раз молотком по стамеске, опустит натруженные руки и оглянется...

Какие широчайшие просторы открываются перед нею! Внизу под горой течет, сверкая на солнце, голубая Клязьма, на противоположном низком берегу реки раскинулись луга со стогами сена, кое- где тянутся перелески, скрывающие озера-старицы. За лугами — леса, ближе — темные, а чем дальше, тем светлее, у самого горизонта пропадающие в нежно-голубой дымке.

Переведет Таня взгляд направо и совсем недалеко увидит прелестную белую одноглавую любецкую церковь XVII века с шатровой колокольной. И хоть видит она церковь каждый день и по многу раз, а все равно любит ее. Есть у Тани цветная керамика с изображением церкви на фоне зелени берез и вязов.

Один из искусствоведов, писавших о ней, отметил, как плодотворно она стала работать на рубеже 60—70-х годов. Но он не задумался, по каким причинам ее творчество словно поднялось на ступень выше.

Да ведь ее вдохновляла и двигала вперед извечная красота окружающей природы. Здесь, в старинном владимирском селе, на берегу широкой Клязьмы, в уединении и тишине она создавала и продолжает создавать свои лучшие вещи, скульптурные портреты Марины Цветаевой, поэтов Сергея Есенина, Николая Рубцова, художников В. Попкова, С. Зеленской, К. Калинычевой, И. Шевандроновой, а также исполненные в юмористических тонах автопортрет и деревянный «Лентяй». Распластался на травке разомлевший от жары полный мужчина, в котором угадывается окарикатуренный портрет Гурия Захарова.

Из этих скульптур многие теперь находятся в музеях нашей страны, иные отмечены премией.

Таня не любит показывать свои маленькие гипсовые «черновики». Но раз я собрался о ней писать, она мне разрешила войти в ее святилище.

Я с любопытством разглядываю гипсовые фигурки, узнаю прообразы тех ее статуй и бюстов, какие видел в дереве, бронзе, камне на многих московских выставках, убеждаюсь, что иные из них совсем не такие, как окончательные произведения.

Работая с гипсом, с деревом, Таня ищет, ищет напряженно, что-то переиначивает, что-то изменяет, стремясь добиться совершенства.

Неискушенному зрителю, быть может, ее вещи покажутся нарочито грубыми, чересчур обобщенными. Да, она работает смело, не копаясь в деталях. Схватывая лишь некоторые, по ее мнению, наиболее характерные черты человеческих лиц, реже мужских, чаще женских, дерзновенно обобщая образы тех, с кого она режет или лепит свои скульптурные портреты, она добивается поразительного, иногда слишком сурового, иногда сдобренного юмором сходства.

Свои модели она нисколько не идеализирует. В жизни те женщины, те девочки привлекательнее. Но зато в их скульптурные портреты Таня привнесла столько внутреннего содержания, что на московских художественных выставках я всегда подолгу останавливался перед ее творениями.

Здесь, на дощатом полу летней мастерской, маленькие гипсовые эскизы для камерных произведений Тани кажутся уютнее, милее.

Вот сгорбленная старушка, вроде бабы-яги, только доброй. Это «Пичужка» — самая старая жительница села. Она нагнулась, руку к глазам поднесла, что-то высматривает.

Статуэтка другой жительницы Любца. Это «Анна Степановна», тощая, костлявая, в больших подшитых валенках, несмотря на летнюю жару. Черты ее лица и фигура даны, казалось бы, чрезмерно обобщенно, а сходство, несмотря на некоторую карикатурность, поразительно.

Вот «Подруги. Карнавал». Большой подлинник из дерева сейчас находится в ленинградском Государственном Русском музее. А здесь я вижу двух белых девочек, вроде куколок, на общем постаменте. Их личики не блещут красотой. Одеты они не по-карнавальному, а в коротенькие, простые платьица. В их обтянутых тоненьких фигурках столько грации — право, залюбуешься ими. Это единственная дочка Тани — Наташа со своей подружкой, какими они были много лет тому назад.

Вот статуэтка «Подросток». Это опять же голенастая Наташа, совсем девочка, нелепо расставившая руки.

А этот бронзовый бюст — Наташа много лет спустя. Она здесь молодая женщина, в летнем платье, руки обнажены, бронзовые глаза пристально смотрят. Сколько внутренней поэзии, благородства и красоты! Угадывается, как бесконечно любит скульптор свою модель, свою дочь...

Плодотворно работает Таня и в искусстве монументальном. Для здания республиканской библиотеки в Ашхабаде она создала эскиз огромного, в десять метров высотой, бетонного рельефа, изображающего великого поэта древнего Востока — Фирдоуси. На Смоленщине, на родине адмирала Нахимова, стоит кованный из металла памятник ему, также созданный Таней.

А начинались эти монументальные творения с маленьких гипсовых эскизов все в том же благодатном Любце. Один из таких эскизов и сейчас находится в ее летней мастерской. Стоит солдатик с букетом цветов в одной руке, с игрушечным автоматом в другой. С его плеч зубчатыми складками спускается плащ, слева от него щит с лаконичными датами — 1941—1945.

Этот эскиз является прообразом памятника из кованого металла, который установлен на центральной усадьбе совхоза «Ковровский» близ Любца. Каждый год у подножия памятника погибшим в Отечественной войне — жителям соседних деревень — в День Победы люди собираются на митинг. Ветераны, увешанные орденами и медалями, говорят прочувственные речи, школьники поют и декламируют стихи, старушки-вдовы и матери погибших стоят в стороне и плачут...

Обычно в памятниках скульпторы изображают воинов мужественными, обстрелянными в боях. А Таня дала портрет юноши, вчерашнего школьника, из тех, каких без счета полегло в земле сырой за Победу нашей Родины...

В ее летней мастерской хранятся не только гипсовые эскизы. Вот скульптурный портрет В.Я. Юкина, также, как и я, соседа Тани по Любцу. Из черно-синего мореного дуба вырезана голова бородатого мужчины. Черты лица даны опять-таки очень обобщенно, словно перед зрителем не владимирский известный художник, а древнерусский богатырь. И опять-таки сходство поразительное. Оригинальный, талантливый портрет.

Впрочем, и все работы Татьяны Соколовой, многочисленные, такие разнообразные, всегда талантливы.

Остается ей пожелать и впредь работать на земле Владимирской столь же плодотворно, столь же успешно.

Сергей ГОЛИЦЫН, писатель

(Текст по: каталог «Т.М. Соколова. Скульптура», Москва, «Советский художник», 1990)